

КАКУЮ ВОЙНУ ПРОИГРАЛ ИВАН ГРОЗНЫЙ? (БЫЛА ЛИ ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА ГЛАВНОЙ ВОЙНОЙ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА?)

Вопрос, вынесенный в заголовок этой статьи, может показаться странным. Как какую — ведь со школьной скамьи известно, что Иван Грозный проиграл Ливонскую войну, которая началась с вторжения царской рати под водительством князя М. В. Глинского и бывшего казанского «царя» Шах-Али в Ливонию в январе 1558 г. и завершившейся четверть века спустя подписанием перемирия между Россией и Швецией. Но нет, все не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Для начала обратимся к мнению Санкт-Петербургского историка А. И. Филюшкина, в последние годы интенсивно разрабатывающего проблематику, связанную с Ливонской войной. Он отмечал, что «вмешательство в конфликт (вокруг Ливонии. — *В. П.*) Польши, Литвы и России носило несколько иной характер — это было продолжение длившейся вот уже больше двух столетий борьбы этих двух держав за бывшие земли Киевской Руси. Ливония воспринималась ими как новая спорная территория»¹. И в общем-то, несомненно, что овладение этой территорией давало тому, кто сумеет занять ее первым и не допустить к разделу наследства Ливонии, этого «больного человека» северо-восточной Европы, конкурентов, давало опре-

¹ *Филюшкин А. И.* Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв. М., 2010. С. 93.

деленные и достаточно серьезные преимущества в неизбежном новом раунде этой борьбы. При этом стоит заметить, что шансы Москвы в борьбе за Ливонию выглядели предпочтительнее, чем Вильно. После смерти великого князя Витовта литовская экспансия на востоке постепенно сошла на нет, а со времен Ивана III инициатива прочно находилась в руках Москвы, и даже в сложный период боярского правления при малолетстве Ивана IV Вильно не сумел воспользоваться благоприятной ситуацией для того, чтобы вернуть утраченное прежде. После же того, как Иван IV приобрел всю полноту власти, когда его правительство осуществило ряд крупномасштабных реформ, в том числе и в военной сфере, перевес Москвы стал еще ощутимее, и возобновившуюся в 1561 г. войну Русское государство, по существу, выиграло — если воспользоваться спортивной терминологией — по очкам. Победа в очередной русско-литовской войне оставила за русскими и значительную часть Ливонии, и прежде всего, Нарву и «нарвское плавание». И очевидная неспособность Великого княжества Литовского противостоять Москве в немалой степени ускорило заключение Люблинской унии 1569 г., очень скоро поставившей Литву в подчиненное по отношению к Польше положение.

Не слишком удачно обстояли дела и с участием в разделе ливонского наследства для датчан и шведов. Мало того, что они сцепились в войне 1563–1570 гг. друг с другом, но и успешные действия русских в регионе не позволили им полностью реализовать свои планы по расчленению и поглощению Ливонии.

Вот и выходит, что, по большому счету, на протяжении почти 20 лет Иван Грозный в войнах за Ливонское наследство (это название лучше выражает, по нашему мнению, суть конфликта, традиционно именуемого Ливонской войной) владел инициативой, завладел немалой его частью, за исключением двух главных призов в этой борьбе — Риги и Ревеля. И если бы он сделал это (а то, что русское войско было на это способно, в особенности во время собственно Ливонской войны 1558–1561 гг., сомневаться вряд ли стоит), то итог борьбы за Ливонию был бы очевиден.

Но почему Иван Грозный так и не взял Ригу и Ревель? Почему в конечном итоге Московская или Баториева война 1578–1582 гг., в ходе которой под шумок, пока не на жизнь, а на смерть боролись два титана (а на кону в этой борьбе стояло, по большому счету, доминирование в Восточной Европе), шведы успели отхватить неплохой кусок не только ливонских завоеваний Ивана Грозного, но и его собственных земель, завершилась поражением Москвы?

Но была ли война за Ливонское наследство главной для Ивана Грозного? Ведь, рассуждая о противостоянии между Москвой и Вильно, Москвой и Стокгольмом, уделяя главное внимание событиям, происходящим на западном и северо-западном направлениях русской политики², мы совсем упускаем из виду «татарский» вопрос. А зря. Если принять во внимание этот фактор, то привычная со школьной скамьи картина приобретает иную окраску.

---

² Как это делает, к примеру, А. Л. Хорошкевич в своей фундаментальной работе о внешней политике Русского государства в 3-й четверти XVI в. (см.: Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003).

Отмотаем ленту времени назад, во времена Ивана III. Создатель Русского государства, Иван, воспользовавшись удобным моментом, сумел заручиться поддержкой со стороны крымского «царя» Менгли-Гирея I, освободился от ордынской зависимости и перешел в успешное наступление на западном, «литовском» направлении, откусывая от владений Ягеллонов кусок за куском. Василий III продолжил политику отца и в 1514 г. сумел взять Смоленск. Но этот его успех стал последним на этом направлении, и более того, стал камнем преткновения на пути мирного урегулирования русско-литовского конфликта. Смоленск был в равной степени воротами Москвы и ключом к Вильно. Ни Москва не могла отдать его, ни Вильно — согласиться с тем, чтобы Смоленск и Смоленская земля остались за противником.

Но почему Смоленск стал конечной точкой в продвижении Москвы на запад? Почему Василий III не смог развить достигнутый успех и взять, к примеру, Полоцк — город, по своему значению мало чем уступавший Смоленску? Ведь московские полки в начале XVI в. не раз подходили к Полоцку, и всякий раз уходили ни с чем — особенно обидным было поражение 1518 г., «Чудо на Двине». Чтобы понять, в чем причина неудач Василия III на этом «фронте», нужно посмотреть — а что происходило в эти годы на юге и на востоке? Ведь если посмотреть на развитие русской экспансии в западном направлении через призму «татарской» проблемы, то вырисовывается интересная картина. Пока Иван III имел в друзьях и союзниках Менгли-Гирея, отношения с Литвой и с Казанью развивались для Москвы более чем благоприятно. Однако союз этот был непрочен, и двух монархов связывал лишь общий интерес по принципу «против кого дружить будем», а Литва была в равной степени врагом и Ивана, и Менгли-Гирея, ибо великий князь литовский Казимир и его преемник Александр сделали ставку на хана Большой Орды Ахмата и его сыновей Ахматовичей. Ахмат же со своими наследниками был врагом и Москвы, и Крыма. Однако в 1502 г. Большой Орды не стало, затем в 1505 г. умер Иван III, и ситуация пусть и не сразу, но изменилась, и не в лучшую для сына Ивана III Василия III сторону. Отношения между Москвой и Крымом начали стремительно охлаждаться.

Как отмечал воронежский историк В. П. Загоровский, «в 1504–1506 гг. наметилось, а с 1507 г. определилось принципиальное изменение политического курса Крымского ханства. С этого времени на долгие годы Крым стал врагом России...»³ Уточним: на наш взгляд, точкой отсчета, от которой можно вести историю русско-крымского противостояния, нужно считать 1506 г. Именно тогда Менгли-Гирей выдал по старой ордынской традиции (как «царь») ярлык на княжение великому литовскому князю. И среди прочих городов, пожалованных крымским «царем» «литовскому», были Тула, Брянск, Стародуб, Путивль, Рязань и даже Псков с Новгородом с «люди, тмы, городы и села, и дани и выходы, и з землями и з водами и с потоками!»⁴

---

³ Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 46.

⁴ Ярлык крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду // АЗР. Т. II. СПб., 1848. С. 4–5.

Борьба за доминирование в Восточной Европе серьезно осложнилась, ибо в нее вступила «третья сила» в лице Крымского ханства, выставившего свои претензии на наследство Золотой Орды.

До поры до времени в Москве не придавали великодержавным заявлениям крымских Гиреев серьезного внимания, ограничиваясь принятием необходимых оборонительных мер и рассчитывая при первом же удобном случае возобновить экспансию на западном направлении. Даже «крымский смерч» 1521 г. не заставил Василия III переменить радикальным образом внешнеполитический курс — а зачем, если после смерти Мухаммед-Гирея I, сына и преемника Менгли-Гирея, Крымское ханство на долгое время погрузилось в пучину междуусобиц и внутренних распрей?

Играя на противоречиях внутри крымской правящей элиты, в Москве рассчитывали если не восстановить прежние союзнические отношения с Крымом, то, во всяком случае, не допустить усиления связей между ханством и Великим княжеством Литовским. И, обезопасив себя с этой стороны, возобновить войну с Литвой — во всяком случае, создается впечатление, что в конце 1531 г. — начале 1532 г. Василий III всерьез готовился возобновить военные действия⁵, но не решился их начать из-за событий в Крыму и Казани. А после его смерти осенью 1533 г. и вовсе стало не до новой войны с Литвой. В самой Москве обострилась борьба за власть между боярскими кланами, в Крыму к власти пришел воинственный Сахиб-Гирей I, деятельно укреплявший свою власть, а в Казани после дворцового переворота и свержения московского ставленника Джан-Али на престоле утвердился племянник Сахиб-Гирея Сафа-Гирей, давний противник Москвы.

Как следствие, борьба с татарской угрозой постепенно стала выходить на первый план во внешней политике Москвы, а после того как Сахиб-Гирей вступился за племянника, которому угрожало вторжение московских войск, и подкрепил свои угрозы реальными действиями (речь идет о попытке крымского «царя» нанести удар непосредственно по Москве летом 1541 г.⁶), «татарское» направление в русской внешней политике выходит на первый план. С осени 1542 г. «казанское взятие» все больше и больше занимает помыслы Боярской Думы и молодого государя, пока наконец октябрьский 1552 г. штурм не ставит точку в долгом противостоянии Москвы и Казани. Казанский «юрт» отошел к Москве (хотя это присоединение оказалось непрочным, и для того чтобы замирить окончательно «подрайскую землю», пришлось потратить немало времени и сил). Но исход этой войны очевиден — казанский венец остался за Иваном. За казанским «взятием» последовала серия астраханских походов с 1554 по 1556 гг. И они также завершились благополучно для московского царя — Астрахань, еще один татарский «юрт» перешел под его руку.

⁵ См.: Кром М. М. Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 16–17.

⁶ См.: Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 41–47.

Активизация действий Москвы в Поволжье, выразившееся в организации серии военных экспедиций, завершившихся покорением Казани и Астрахани, стала причиной резкого обострения отношений между Москвой и Крымом в начале 50-х гг. XVI в. Похоже, что и в Бахчисарае, и в Стамбуле были серьезно обеспокоены нарушением баланса сил в Восточной Европе, вызванным падением двух татарских юртов, и решили предпринять действенные контрмеры. Стамбул, не желая ввязываться в восточноевропейские разборки (поскольку у него хватало головной боли и на Балканах, и в бассейне Средиземного моря), решил, оставляя за собой свободу рук и не желая преждевременно портить отношения с Москвой, связать ее по рукам и ногам через посредство Крыма⁷. И мы склоняемся к мысли, что дворцовый переворот в Крыму в 1551 г., в результате которого излишне самостоятельный и строптивый, с точки зрения султанского двора, хан Сахиб-Гирей I был убит, а на его место воссел его племянник Девлет-Гирей I, был обусловлен не в последнюю очередь именно этими соображениями Сулеймана Великолепного и его советников.

Новый хан получил из Стамбула карт-бланш и свободу рук на действия в Восточной Европе. Так, в феврале 1552 г. султан в своем послании писал ему, что «поскольку вы обладаете разнообразными сведениями и познаниями обо всех делах, касающихся этих областей — как Астрахани, так и ногаев и Московии, все связанные с этими землями дела препоручены [нами] вашему ясному разумению». И далее падишах недвусмысленно указывал своему вассалу: «Примите все необходимые меры, касающиеся дел в Астрахани, [дабы] враги веры не познали победы, и [эта область] была охраняема и защищена от презренных неверных»⁸. Такие пожелания султана более чем устраивали Девлет-Гирея и «партию войны» в его окружении, поскольку, с одной стороны, чрезмерное усиление Москвы противоречило долговременным стратегическим интересам Бахчисараея, который со времен Менгли-Гирея I целенаправленно вел политику по приведению под свою руку обломков распавшейся Золотой Орды. С другой же стороны, экономические связи с Москвой не были настолько важны для Крыма, как, к примеру, для Казани или для Ногайской Орды, чтобы разрыв их мог болезненно сказаться на экономике Крыма (чего не скажешь о прекращении крымских набегов на русские земли).

Эти (и, возможно, ряд других) соображения в немалой степени способствовали тому, что с 1552 г. Девлет-Гирей вступает с Иваном IV в период долгой конфронтации. «Война двух царей» продолжалась фактически четверть века, до самой смерти Девлет-Гирея в 1577 г., и апогей ее пришелся на 1571–1572 гг. И в этой «незаметной» необъявленной войне Иван сумел одолеть своего соперника. Многодневная битва при Молодях летом 1572 г., которая может считаться классическим образцом тактики старомосковской военной школы, де-факто поставила точку в великодержавных устремлениях Гиреев.

---

⁷ См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 252.

⁸ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008. С. 103–104.

Именно эту войну, которую можно смело назвать войной за Ордынское наследство, мы и полагаем для царствования Ивана Грозного главной. Недаром сам московский государь писал, что в случае успеха Крым был бы только одной саблей, тогда как Казань другой, Астрахань — третьей (а казанцы и астраханцы непременно припомнили бы Ивану обстоятельства их покорения), а ногаи — четвертой, и все бы они «секли» Русскую землю. Можно только представить, как развивались бы события дальше и как изменилась бы геополитическая обстановка в Восточной Европе, если такой сценарий был бы реализован на практике!

Таким образом, с конца 30-х гг. Москва на протяжении без малого 40 лет практически непрерывно вела войну с татарами, порой на двух фронтах — восточном и южном — одновременно. Победа в этих войнах, которые, подчеркнем еще раз, мы считаем составными частями одной большой войны за Ордынское наследство (все они теснейшим образом связаны одна с другой и вытекают одна из другой), потребовала огромных усилий и жертв. Достаточно указать, что овладение Казанью потребовало организации трех крупномасштабных походов, в которых приняла участие большая часть вооруженных сил Русского государства. Спустя почти двадцать лет, в 1571 г., ценой ошибки воевод стал грандиозный московский пожар и десятки тысяч убитых и плененных татарами русских людей, и для того чтобы одержать над ханом и его ратями убедительную победу в следующем, 1572 г., потребовались еще раз усилия всей страны.

И в итоге, когда понадобились силы для того, чтобы дать отпор Стефану Баторию, сил у Ивана Грозного уже не оказалось. Если в Полоцкий поход 1562/1563 г. Иван выступил во главе войска численностью около 50–55 тыс. бойцов, то спустя полтора с небольшим десятилетия, в 1579 г., он смог собрать вполтину меньше ратных людей, боевой дух которых был уже не тот, что в конце 50-х – начале 60-х гг. Тем не менее, успех, пусть и дорогой ценой, был налицо. Владения Ивана Грозного получили существенное приращение за счет бывших татарских владений в Поволжье, был установлен контроль за Волжским торговым путем и, что немаловажно, открыта дорога в Сибирь.

А как же тогда быть с войной за Ливонское наследство? Нетрудно заметить, что на первых порах, судя по количеству брошенных в дело войск (фактически Иван Грозный вел войну здесь даже не вполсилы — используя главным образом «силу псковскую и новгородскую», лишь изредка усиливая ее ратными людьми «замосковных городов» и московскими стрельцами) и характерной тактике, русский царь отнюдь не преследовал далеко идущих целей. В условиях, когда он вел напряженную войну с Крымом (как раз на вторую половину 1550-х гг. приходится московское наступление на Крым, задуманное с большим размахом и далеко идущими целями) и остро нуждался в деньгах и ресурсах для продолжения наступления в южном направлении, лишняя большая война ему была не нужна (обращает на себя внимание тот факт, что война Русского государства со Швецией завершилась для шведов относительно мягко).

Взыскать же «юрьевскую дань» для пополнения казны, которую, по образному выражению В. О. Ключевского, «заедала рать», и добиться отмены

дискриминационных мер по отношению к русским купцам, открыть ворота на Запад для того, чтобы получать там технологии, приглашать специалистов и покупать сырье и материалы (прежде всего серебро и военные материалы), отсутствовавшие в России, — это было бы совсем нелишним. К большой войне на этом направлении Иван не готовился и не ждал ее, и его действия после того, как выяснилась чрезвычайная слабость Ливонской конфедерации, носят импровизационный и непоследовательный характер. Боеспособность реформированного и закаленного в многолетней войне с татарами русского войска была более чем высока. Иван Грозный мог в кратчайшие сроки, за одну-две кампании, подчинить себе если не всю, то, во всяком случае, большую или лучшую часть Ливонии, поставив тем самым литвинов, поляков, шведов и датчан, не говоря уже об императоре, перед свершившимся фактом.

Однако этого не случилось. Военные действия на ливонском фронте шли вяло, периоды активизации сменялись долгими перемириями или периодами затишья. Но даже при таком прохладном отношении, к 1561 г. русский царь неплохо преуспел в дележе ливонского наследства, отхватив по итогам войны 1558–1561 гг. солидный кусок восточной и северо-восточной Ливонии и приобретя при этом, что самое главное, Нарву и «нарвское плавание», которые он и удерживал почти два с половиной десятилетия.

Любопытно, что и первая литовская война Ивана Грозного (1561–1572 г.) во многом напоминает последнюю русско-литовскую войну Василия III — сперва русский оглушительный успех (взятие Полоцка зимой 1563 г.) и затем переход конфликта в вялотекущую стадию. Почему русский царь не стал добивать Сигизмунда II, который ничего не мог противопоставить московской военной машине? Но если принять во внимание то обстоятельство, что московским дипломатам так и не удалось достичь более или менее прочного мирного соглашения с Бахчисараем, то все тогда встает на свои места. Для одновременного (и при этом успешного) ведения войны на два фронта сил у Москвы было явно недостаточно. По тем же причинам не мог Иван Грозный и нанести сокрушительный удар по шведам, заявившим свои претензии на кусок ливонского пирога.

И, выходит, что главной для первого русского царя была не Ливонская война 1556–1561 гг. (включая сюда и «войну коадьюторов»), в известном смысле для него случайная и несвоевременная, и даже не обе русско-литовско-польские войны 1561–1571 и 1578–1582 гг. (они все равно бы начались раньше или позже, ибо этому конфликту не было конца и края — воистину, это была неизвестная 200-летняя война), и тем более не перманентная война со шведами в Ливонии и Финляндии. Нет, война за Ордынское наследство, в особенности боевые действия на «крымской Украине», были для него главными и первостепенными. Именно сюда, как гигантским пылесосом, всасывались ресурсы Русского государства, и здесь, на степном фронтире, решалась судьба России как влиятельного игрока за столом большого европейского политика. От поражения царских ратей в болотах Ливонии или в лесах Белоруссии ее будущее менялось несильно (и итоги Батюриевой войны подтверждают этот тезис). Но что было бы, если крымский

«царь» сумел бы отнять у Ивана Грозного Казань и Астрахань, принудить к подчинению ногаев и навязать «московскому» «Магмет-Киреевы поминки», угрожая каждый год повторить успех 1521 г. или, паче того, 1571 г.? Будущее Восточной Европы в таком случае было бы совсем не очевидно.

Подводя общий итог войнам Ивана Грозного, можно отметить, что первому русскому царю удалось сохранить важнейшие приобретения в Поволжье, отразить крымскую агрессию и нанести Крымскому ханству такой удар, от которого оно так и не смогло оправиться. При этом он сумел сохранить практически без изменений статус-кво на русско-литовской границе и сделать некоторые (несравнимые с приобретениями в Поволжье) территориальные уступки на северо-западном направлении. Войну за Ордынское наследство, таким образом, Иван Грозный сумел выиграть, а войну за наследство Ливонское закончить с минимальными потерями. И это при том, что большую часть своего правления Ивану Грозному пришлось воевать на два, а порой и на три фронта.

Данные о статье

Автор: Пенской Виталий Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теологии социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», Белгород, Россия, penskoy@bsu.edu.ru

Заголовок: Какую войну проиграл Иван Грозный? (Была ли Ливонская война главной войной Ивана Васильевича?)

Резюме: Статья посвящена вопросам, связанным с внешней политикой Русского государства в эпоху Ивана Грозного и с тем местом, которое занимали в ней войны с Великим княжеством Литовским, Ливонской конфедерацией, Швецией и татарскими государствами. Автор статьи предлагает оригинальный подход к анализу этих событий и приходит к выводу, что не Ливонская война была главной войной Ивана IV, а война с Крымом и другими татарскими ханствами. Боевые действия на южном и восточном «фронтах» на протяжении почти 40 лет отвлекали на себя основные ресурсы Русского государства и внимание московских властей, тогда как западный и северо-западный «фронты» при таком раскладе автоматически превращались во второстепенные. И для этого были серьезные основания, поскольку в случае поражения Русского государства в противостоянии с татарами история Восточной Европы могла пойти иным путем. В конечном итоге Москва сумела устоять в этой борьбе и обезопасить себя от татарской угрозы, но борьба с татарами не позволила Ивану Грозному довести до конца противостояние с Великим княжеством Литовским и разрешить в благоприятном для себя ключе ливонский вопрос.

Ключевые слова: Россия, Иван Грозный, внешняя политика Русского государства, Ливонская война

Литература, использованная в статье

Загоровский, Владимир Павлович. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991. 272 с.

Кром, Михаил Маркович. Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. Москва: Издательский дом «Рубежи XXI», 2008. 139 с.

Пенской, Виталий Викторович. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьинъства своего...». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 41–47.

Филлюшкин, Александр Ильич. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв. Москва: Квадрига, 2010. С. 80–94.

Хорошкевич, Анна Леонидовна. Россия в системе международных отношений середины XVI века. Москва: Древлехранилище, 2003. 620 с.

Information about the article

Author: Penskoj Vitaly Viktorovich — Doctor in History, Professor of Social-Theology Department of Belgorod National Research University

Title: What war did Ivan the Terrible lose? (Was the Livonian War the main war of Ivan Vasil'evich?)

Summary: The article is devoted to the questions linked to the foreign policy of the Russian state under Ivan the Terrible and the place the wars against the Grand Duchy of Lithuania, Livonian Confederation, Sweden and the Tatar states took in it. The author offers an original approach to the analysis of these events and comes to the conclusion that it was not the Livonian War but the war against the Crimean and other Tatar khanates that was the main war of Ivan IV. Fighting in the southern and eastern «fronts» for almost 40 years distracted the basic resources of the Russian state and the attention of the Moscow government, while the western and north-western «fronts» in these circumstances are automatically converted into secondary. There were serious grounds for that. If by chance the Russian state suffered a defeat in its confrontation with the Tartars, the history of Eastern Europe could go another way. Ultimately the Moscow state succeeded in surviving in this struggle and protecting itself from the Tatar threat, but its struggle against the Tartars did not allow Ivan the Terrible to finish the confrontation with the Grand Duchy of Lithuania and resolve the Livonian question in a manner that would be favourable for him.

Keywords: Muscovy, Ivan the Terrible, the foreign policy of Muscovy, the Livonian war

References

Filyushkin, Aleksandr Il'ich. Livonskaya voyna ili Baltiyskiye voyny? K voprosu o periodizatsii Livonskoy voyny [The Livonian war or the Baltic wars? On the problem of dividing the Livonian war into periods], in *Baltiyskii vopros v kontse XV – XVI vv.* Moscow: Kvadriga Publ., 2010. Pp. 80–94. (in Russian.)

Khoroshkevich, Anna Leonidovna. *Rossiiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii serediny XVI veka* [Russia in the system of international relations in the middle of the 16th century.]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2003. 620 p. (in Russian.)

Krom, Mikhail Markovich. *Starodubskaya voyna 1534–1537. Iz istorii russko-litovskikh otnoshenii* [The Starodub War, 1534–1537. From the history of the Russian-Lithuanian relations]. Moscow: Rubezhi XXI Publ., 2008. 139 p. (in Russian.)

Penskoj, Vitaliy Viktorovich. «Tsar' krym'skiy prishel ko bregu Oki-reki s velikoyu pokhvaloyu i s mnozh'stvom voinstva svoego...» Stoyanie na Oke v 1541 godu [«The Crimean Tsar came to the bank of the Oka river with great haughtiness and his great army...»]. The Stand-off on the Oka river in 1541], in *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2011. № 12. Pp. 41–47. (in Russian.)

Zagorovskiy, Vladimir Pavlovich. *Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozemya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [History of the joining of Central Chernozem zone to the Russian state in the 16th century.]. Voronezh: Publ. Voronezhskogo universiteta, 1991. 272 p. (in Russian.)